

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.2>

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ – ПРИЧИНА НАРУШЕНИЯ НОРМЫ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА)

Научная статья

Лукманова Р.Р.^{1,*}, Утробина А.А.², Ван Ц.³

¹ORCID : 0000-0003-1130-8919;

^{1,2,3} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (renata89373319690[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассмотрена проблема межъязыковой интерференции, которая обуславливает появление многочисленных ошибок в речи студентов-билингвов, для которых китайский язык является родным, а русский – иностранным. Выборка языковых единиц (предложений), содержащих случаи нарушения норм русского языка, произведена из 48 текстов, авторами которых являются китайские студенты, изучающие русский язык как иностранный в российских вузах. Авторами представлены некоторые результаты исследования, проведенного в рамках контрастивной лингвистики, и сделаны выводы о том, какой тип ошибки следует считать самым частотным, определены причины возникновения ошибок. Результаты исследования могут пополнить доказательную базу контрастивного языкознания, стать основой для исследования проблем билингвизма в проекции психологии языка, а также будут полезны в процессе преподавания русского языка как иностранного в части предотвращения проанализированных типов ошибок.

Ключевые слова: билингвизм, билингв, китайский язык, русский язык, межъязыковая интерференция.

INTERLINGUAL INTERFERENCE AS A CAUSE OF FOREIGN LANGUAGE NORM VIOLATION (ON THE
EXAMPLE OF CHINESE-RUSSIAN BILINGUALISM)

Research article

Lukmanova R.R.^{1,*}, Utrobina A.A.², Wang Q.³

¹ORCID : 0000-0003-1130-8919;

^{1,2,3} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

* Corresponding author (renata89373319690[at]gmail.com)

Abstract

The article examines the problem of interlingual interference, which causes numerous errors in the speech of bilingual students, for whom Chinese is their native language and Russian is a foreign one. The sample of the linguistic units (sentences) containing the cases of violations of Russian language norms is made of 48 texts, the authors of which are Chinese students studying Russian as a foreign language in Russian universities. The authors present some results of the study conducted within the framework of contrastive linguistics and draw conclusions on what type of errors should be regarded as the most frequent, the causes of errors are determined. The results of the study can supplement the evidence base of contrastive linguistics, become the basis for the study of the problems of bilingualism in the projection of language psychology, and will also be useful in the process of teaching Russian as a foreign language in terms of preventing the types of errors analysed.

Keywords: bilingualism, bilinguals, Chinese, Russian, interlingual interference.

Введение

Исследование разных аспектов формирования билингвизма чрезвычайно актуально в современном языкознании. Данный факт обуславливается в первую очередь причинами, лежащими за гранью языка. Во-первых, в связи с интенсивными глобализационными процессами в последние десятилетия произошло резкое увеличение детей-билингвов, что отмечается учеными и практиками разных отраслей науки. Основной причиной билингвизма является миграция населения, связанная с политическими, социально-экономическими и духовными обстоятельствами, вынуждающими людей менять страну проживания, а вместе с тем и язык. Сейчас билингвы составляют почти две трети населения планеты [1, С. 252]. Важно, что ситуация одновременного функционирования в социуме нескольких языков характерна не только для традиционных полиэтнических регионов, но и для территорий, для которых мультикультурализм не был свойственен. Во-вторых, во многих регионах образовались смешанные языки как этнические маркеры определенных социальных групп [2, С. 149], например, бесписьменные диалекты *Spanglish* на юге США и *Franglish* в Канадском Квебеке [3, С. 153–168]. В таких условиях расширение сферы общения и приобщение к письменной коммуникации вызывают потребность в освоении еще одного языка, потребность в билингвизме. В-третьих, процесс глобализации, вызвавший изменение в демографической ситуации и этническом составе населения развитых стран, побуждает социально активную личность к овладению несколькими языками, мировыми прежде всего, и это придает массовый характер индивидуальному искусственному билингвизму, который является объектом рассмотрения в настоящей научной работе. В частности, мы сфокусируем своё внимание на проблемах, возникающих в речи китайско-русских билингвов – китайских студентов-филологов, которые проходят обучение в России по программам академической мобильности, в нашем случае – включенного обучения. Актуальность данного исследования связана с увеличением контингента китайских студентов в российских вузах и

заключается в необходимости проведения фундаментальных и прикладных контрастивных исследований на материале русского и китайского языков, результаты которых могут сделать обучение русскому языку как иностранному более эффективным.

Одним из ключевых понятий настоящей работы является билингвизм или двуязычие. Хотя ни в отечественной, ни в зарубежной науке нет единого мнения относительно его истолкования, и рассматривается оно с позиций разных гуманитарных наук (лингвистики, психологии, педагогики, социологии) по-разному, в зависимости от того, какая частная проблема, связанная с двуязычием, нуждается в решении, в своей работе мы вслед за Н. Б. Мечковской и А. Е. Супруном, понимаем двуязычие как «возможность владения носителем одного языка другим языком в различной мере, а, следовательно, и возможность двуязычия разных степеней» [4, С. 150], [5]. Отметим, что проблема освоения второго языка включается нами в пределы проблематики билингвизма и здесь мы делаем акцент на коммуникативных навыках, а не на приобретении формальных правил языка как такового [6], [7]. Еще одним важным аспектом исследования является интерпретация термина «билингв». Некоторые авторы называют билингвом человека, который «владеет двумя языками на уровне носителя» [8, С. 56]. Эта точка зрения является вполне распространенной. Мы, учитывая выбранное нами определение билингвизма, и, принимая во внимание многочисленные трактовки термина [9], [10], [11], вслед за Э. И. Хаугеном, станем называть билингвом такого человека, который свободно владеет одним языком, но «способен произносить полные осмысленные высказывания на другом языке» [12, С. 61].

В условиях двуязычия происходит взаимодействие языковых систем, оно осуществляется, как пишет В. Н. Ярцева, как при языковых контактах, так и во время специального освоения иностранного языка [13]. В обоих случаях происходит взаимовлияние языков, которое может приводить к межязыковой интерференции, при которой происходит нарушение правил соотношения контактирующих языков, проявляющееся в его речи в отклонении от нормы, причем здесь важно уточнение: нарушение нормы иностранного языка (в нашем случае русского) в большинстве случаев происходит в связи с попыткой его уподобления родному (здесь – китайскому), в других случаях причиной нарушения нормы иностранного языка становится отсутствие определенного явления в родном языке говорящего, например, в китайском языке отсутствует категория рода, поэтому в речи китайских студентов на русском языке зачастую родовая принадлежность имен реализуется неправильно. Под контактирующими языками мы понимаем языки, которыми владеет и попеременно пользуется одно и то же лицо, то есть билингв, в нашем случае – это китайский и русский языки. В пределах данной статьи нас интересует отрицательный перенос навыков речевой деятельности на одном языке на другой язык, перенос норм родного языка (китайского) в другой язык (русский) в процессе речи, причем мы учитываем тот факт, что языковая интерференция представляет собой сложное явление, которое нуждается в комплексном рассмотрении, в разных проекциях: лингвистической, психолингвистической, социолингвистической и др., однако фокусируем свое внимание лишь на ошибках речи билингвов, которые проявляются на уровне лексики и грамматики.

Именно проблема межязыковой интерференции, которую мы определяем как «лингвистическое частичное совпадение, при котором языковая единица оказывается элементом двух систем одновременно, или как наложение двух языковых систем» [12], находится в центре наших изысканий. Нас интересует феномен ошибки, которая возникает в результате интерференции, как следствие структурных и функциональных отношений, как нарушение норм языка в письменных речевых высказываниях на русском языке носителей китайского языка – в фокусе нашего внимания находится нарушение грамматической (морфологической и синтаксической) и лексической нормы (преимущественно нарушение лексической сочетаемости слов), которое, в свою очередь, обусловлено расхождениями в структуре русского и китайского языков и различиями в их системах и особенностями типов мышления носителей сопоставляемых языков и культур.

Методы и принципы исследования

Настоящее исследование направлено на выявление ошибок в письменной русской речи билингвов – китайских студентов, обучающихся по филологической специальности в российском вузе в течение одного учебного года. В качестве материала исследования были использованы письменные работы данных студентов. Из методов использовались метод сплошной выборки, компонентного анализа, описательный метод. Выборка языковых единиц (предложений), содержащих случаи нарушения норм русского языка, произведена из 48 текстов.

Основные результаты

Разработка проблемы интерференции, возникающей при китайско-русском двуязычии, осуществлена нами на материале письменных текстов, написанных китайскими студентами 3 курса, обучающимися по филологической специальности по программам включенного обучения в России. В целом проанализировано 48 рукописных текстов на русском языке, объем каждого из них около 1400 знаков. В данных текстах были выявлены многочисленные случаи отклонения от норм современного русского языка. С целью определения причин возникновения данных отклонений мы проанализировали каждый случай отклонения от нормы, сопоставив материал на русском и китайском языках, применив следующую схему:

(1) Исх. (русс.): Я думаю, что российское строительство очень красивое.

Ред. (русс.): Я думаю, что российская архитектура очень красивая.

Перев. (кит.): 我觉得, 俄罗斯的建筑真漂亮.

Расшифруем сокращения: «Исх. (русс.)» – вариант единицы языка (фрагмента текста) на русском языке, предложенный китайским студентом, содержащий случай(и) нарушения нормы русского языка; «Ред. (русс.)» – вариант единицы языка (фрагмента текста) на русском языке, полученный после редактирования исходного варианта носителем языка; «Перев. (кит.)» – вариант перевода единицы языка (фрагмента текста) на китайский язык, предложенный носителем китайского языка (пер. наш. – В. Цяньцян).

В данном случае (1) наблюдается нарушение лексической нормы современного русского языка, неправильное употребление лексической единицы – носитель китайского языка подменяет слово «архитектура» словом «строительство». Дело в том, что в лингвистических словарях русского языка слово «архитектура» определяется как '2. *Направление в строительстве; характер, стиль постройки. Романская а. Дом готической архитектуры. З. собир. Здания, сооружения. Деревянная а. заповедника не пострадала*' [14].

(2) Исх. (русс.): У меня большая и теплая семья.

Ред. (русс.): У меня большая и дружная семья.

Перев. (кит.): 我有一个其乐融融的大家庭.

В русском языке слово «теплый» многозначно. Одно из значений ('5. *Добрый, дружеский, сердечный. Т-ые слова. Т-ое чувство, отношение к кому-л. Т-ая дружба. Т-ая встреча. Т-ая атмосфера, обстановка (располагающая к дружескому, сердечному общению)*'), несомненно, проявляет себя в связи со словом «семья», однако не вербально, а ассоциативно, в связи с этим и возникает в данном случае нарушение лексической сочетаемости слов. Кроме того, в китайском языке слово «семья» (家) сочетается со словом 其乐融融的, которое имеет русский эквивалент «теплый».

(3) Исх. (русс.): То идет дождь, то стоит солнце.

Ред. (русс.): То идет дождь, то светит солнце.

Перев. (кит.): 东边日出, 西边雨.

В данном случае (3) мы можем предположить, что китайцы в употреблении нужного слова исходили из такого выбора: если дождь – идет, то солнце должно стоять.

Интерференция проявляет себя на всех уровнях языка – чаще всего на морфологическом. Случаи нарушения морфологической нормы русского языка встретились в каждом из 48 текстов без исключения. Приведем некоторые примеры.

Ошибки в употреблении категории рода

(4) Исх. (русс.): Моя китайская имя.

Ред. (русс.): Мое китайское имя.

Перев. (кит.): 我的中文名字.

(5) Исх. (русс.): Это красивое университет.

Ред. (русс.): Это красивый университет.

Перев. (кит.): 这是一个美丽的大学.

(6) Исх. (русс.): Мне не нравится столовый.

Ред. (русс.): Мне не нравится столовая.

Перев. (кит.): 我不喜欢这个餐厅.

В представленных предложениях встречаем ошибки в употреблении категории рода слов, являющихся разными частями речи, но, стоит отметить, что природа этих ошибок разная. В китайском языке категория рода является неявной: родовая принадлежность именных частей речи выражается не грамматически, а лексически, поэтому китайцам приходится заучивать окончания слов, вербализующие родовую (половую) принадлежность. В первом случае (4) студент предполагает, что существительное «имя» женского рода, особая форма слова «имя» создаёт иллюзию у китайца, что оно женского рода, а не среднего.

В случае (5) ошибка в употреблении категории рода обусловлена нарушением синтаксической нормы русского языка – игнорируется фактор наличия в нем подчинительной связи, при которой формы рода, числа и падежа зависимого слова предопределяются формами рода, числа и падежа слова подчиняющего – в нашем случае речь идет о полном согласовании. Кроме того, важно, что в китайской грамматике нет категории рода – китайцы различают только половую принадлежность, но не родовую, при этом только о женщине можно сказать «она – 她», а о мужчине – «он – 他», все другие живые существа, предметы, явления именуется словом «оно», например, «книга», «голубь», «университет».

Случай (6) неправильного употребления рода – (вместо женского – мужской) связан с неправильным определением частеречной принадлежности слова «столовая», которое китайский студент по формальным признакам относит к прилагательным, а на самом деле оно, как известно – существительное женского рода – результат субстантивации.

Неправильное употребление падежной формы именных частей речи

(7) Исх. (русс.): Текст о себя.

Ред. (русс.): Текст о себе.

Перев. (кит.): 简介.

(8) Исх. (русс.): Я люблю люди, которые живут здесь.

Ред. (русс.): Я люблю людей, которые живут здесь.

Перев. (кит.): 我爱住在这儿的人们.

(9) Исх. (русс.): Но я никогда не видела такая маленькая комната.

Ред. (русс.): Но я никогда не видела такую маленькую комнату.

Перев. (кит.): 但是我从来没见过这么小的房子.

(10) Исх. (русс.): Мне очень рада участвовать.

Ред. (русс.): Я очень рада участвовать.

Перев. (кит.): 我很高兴我可以参与进来。

(11) Исх. (русс.): У них общительный и открытый.

Ред. (русс.): Они общительные и открытые.

Перев. (кит.): 他们合群又开朗。

Неправильное определение частеречной принадлежности слова

(12) Исх. (русс.): Я была в Москве, там очень красивая.

Ред. (русс.): Я была в Москве, там очень красиво.

Перев. (кит.): 我在莫斯科, 那儿很美。

(13) Исх. (русс.): Общежитие тоже очень хорошо.

Ред. (русс.): Общежитие тоже очень хорошее.

Перев. (кит.): 宿舍也很好。

(14) Исх. (русс.): Занятия очень интересно.

Ред. (русс.): Занятия очень интересные.

Перев. (кит.): 课程很有意思。

(15) Исх. (русс.): Связаны по смыслу, грамматики и интонационно.

Ред. (русс.): Связаны по смыслу, грамматически и интонационно.

Перев. (кит.): 和意思、语法和语调有关。

Большое количество нарушений грамматической (морфологической) нормы русского языка в речи китайских студентов, несомненно, обуславливается принципиальным различием типологических характеристик двух языков: русский язык – флективный, а китайский – изолирующий язык агглютинативного типа. Многочисленные нарушения рассматриваемой нормы в речи китайцев напрямую связаны с разным позиционированием слова в двух языках, проблемой выделения слова, его отграничения от единиц других (нижестоящих и вышестоящих) уровней языка [15, С. 160]. Несмотря на то, что набор языковых единиц в наших языках одинаков – фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения – фонема в русском языке выполняет две основополагающие функции: смысловозначительную и смысловыразительную, например, фонема «к» выполняет смысловозначительную функцию в слове «кот» и смысловыразительную функцию, когда является звуковой оболочкой предлога «к». У отдельной фонемы китайского языка очевидно в полной мере проявляется только функция смысловозначения. Отдельный звук в китайском языке без гласного, не может выступать носителем смысла. Думаем, что данная особенность китайского языка способствует возникновению типичной ошибки в речи китайцев – пропуску предлогов (см. пример (16)).

В китайском языке, как и в русском, есть простые, производные, сложные слова и слова-повторы, однако, по сравнению с русским языком, в китайском преобладают простые и производные слова, причем они могут быть изменяемыми и неизменяемыми в языках обоих типов, но количество форм изменяемых слов в китайском языке ограничено. Если говорить о существительных, то, например, только существительные со значением лица могут иметь форму множественного лица, образуя с помощью суффикса 们].

(16) Исх. (русс.): Я не могу спать спокойно, потому что полночь в коридоре часто шумят.

Ред. (русс.): Я не могу спать спокойно, потому что в полночь в коридоре часто шумят.

Перев. (кит.): 我睡不好, 因为半夜走廊里总有噪音。

Проблема частей речи (их наличия или отсутствия) в китаистике имеет крайне важное значение. Ключевым критерием для выделения частей речи китайского языка является синтаксический (см. примеры (12), (13), (14), (15)). Так, «В. А. Курдюмов в своем труде, рассуждая о проблеме частей речи в китайском языке, следует не от частей речи к синтаксису, а от синтаксиса к частям речи, называя морфологию китайского языка «позиционной». По мнению ученого, частеречную принадлежность слово обретает в зависимости от того, позицию какого члена предложения оно занимает: «Часть речи для китайского слова – это всего лишь позиция, которую оно склонно или не склонно занимать» [16, С. 169].

Анализ текстов, написанных китайскими студентами, показал наличие речевых нарушений на русском языке, которые, как мы предполагаем, обусловлены главным образом психологическими причинами и поэтому они должны рассматриваться не только с применением сопоставительно-типологического анализа, но и при применении психолингвистических методов и приемов, например, эксперимента. Так, в речи (текстах) китайцев чрезвычайно часто встречаются речевые повторы, причем повторяется слово «здесь»:

(17) Исх. (русс.): Сейчас я живу здесь почти 6 месяцев и я люблю людей, которые живут здесь.

Ред. (русс.): Я живу здесь почти 6 месяцев и люблю здешних людей.

Перев. (кит.): 我已经在这住了 6 个月, 我喜欢这儿的人, 但是却不习惯这儿的饮食。

(18) Исх. (русс.): Я не привык к еде здесь.

Ред. (русс.): Я не привык к (здешней) местной еде.

Перев. (кит.): 迄今为止。

(19) Исх. (русс.): Во мне то, что нет острых вещей.

Ред. (русс.): Мне не нравится то, что нет острых вещей.

Перев. (кит.): 我无辣不欢。

(20) Исх. (русс.): Осень красивая здесь, здесь небо голубое и солнце здесь ярко светит.

Ред. (русс.): Осень здесь очень красивая: небо голубое и солнце ярко светит.

Перев. (кит.): 这儿可太美了: 蔚蓝的天空, 明媚的阳光。

Речевые повторы – высокая частотность употребления слова «здесь» обусловлена несколькими причинами:

1) носители китайского языка любят повторять слово «здесь» в китайской речи и при работе на русском языке не уделяют внимания тому, чтобы заменить данное слово синонимом – так по сути проявляется ограниченность запаса слов иностранных студентов;

2) употребление слова «здесь», по мнению китайских студентов, может продлить время, необходимое для обдумывания следующего фрагмента текста, получается, что в данном случае слово «здесь» выполняет совсем не типичную для себя функцию – слова-паразита;

3) желанием иностранцев противопоставить свою Родину зарубежному государству – в нашем случае России, причем в большинстве случаев иностранный студент пытается выдвинуть на первый план сильные стороны «чужого» государства (см. примеры (17) и (20)), проявляя при этом уважительное отношение по отношению к нему, реже – указать на те явления, которые его (её) удивили, которые совсем не привычны (18, 19).

Заключение

Несомненно, двуязычие – чрезвычайно сложное явление, изучение которого может быть эффективным только при применении междисциплинарного подхода. Серьезные результаты, полученные учеными-компаративистами в сфере контрастивной лингвистики к настоящему моменту составляют мощную исследовательскую базу для тех, кто считает необходимым выйти за пределы структурного языкознания и обратиться к изучению билингвизма, точнее к личности билингва в проекции психологии языка, при применении психолингвистических исследовательских методов и приемов. Именно такая проекция является в нашем случае вполне перспективной.

Настоящее исследование, направленное на выявление ошибок в письменной русской речи билингвов – китайских студентов, обучающихся по филологической специальности в российском вузе в течение одного учебного года, проведенное на материале текстов на русском языке, составленных этими студентами, показало, что чаще всего межъязыковая интерференция приводит к нарушению морфологической нормы иностранного языка. Вызвано это принципиальными расхождениями в типологических характеристиках двух языков, в нашем случае – морфологических и синтаксических. Так, ключевыми (для нашего исследования) являются такие специфические характеристики систем двух языков:

1) в китайском языке фонема выполняет только смысловоразличительную функцию, в отличие от русского языка, где отдельный звук также выступает носителем смысла;

2) в китайском языке изменяемость слов минимальная, в русском – развитая;

3) в китайском языке изменение слова происходит только за счет внешних аффиксов, а в русском преимущественно – за счет внутренних флексий;

4) в китайском языке грамматически значимый твердый порядок слов, для русского языка порядок слов не имеет грамматической значимости.

Во многих случаях типичная ошибка в речи китайцев (например, неправильное употребление категории рода), может быть объяснена главной причиной – отсутствием той или иной грамматической категории в системе их родного языка (примеры (4), (5), (6)), однако проявиться данный факт в иностранном языке может по разным причинам – в зависимости от конкретного контекста или ситуации общения: в некоторых случаях по формальным (примеры (4) и (6)): в примере (4) похоже, что слово «имя» относится к женскому роду, в примере (6) похоже, что слово «столовая» – прилагательное, а не существительное, в других – нарушение нормы обусловлено глубинными причинами (пример (5)) – носитель китайского языка примеряет свою сетку координат на систему иностранного языка, уподобляет вторую систему первой.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Romaine S. Bilingual Language Development / S. Romaine // *The Development of Language*. — Barrett, Martyn. L.: University College London Press, 1999. — P. 251–276.
2. Барина И. А. О некоторых особенностях языковой личности билингва / И. А. Барина, О. А. Нестерова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — №4–1 (46). — 2015. — С. 26–29.
3. Genesee F. Bilingual First Language Acquisition: Exploring the Limits of the Language Faculty / F. Genesee // *21st Annual Review of Applied Linguistics*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — P. 153–168.
4. Супрун Л. Е. Лекции по языкознанию / Л. Е. Супрун. — Минск: Высшая школа, 1971. — 188 с.
5. Козырева О. А. Билингвизм как междисциплинарная проблема / О. А. Козырева // *Вестник ТГПУ*. — 2013. — 13 (141). — С. 150–153.
6. Valdés G. Bilingualism and Testing: A Special Case of Bias / G. Valdés & R.A. Figueroa. — Norwood, NJ: Ablex, 1994.
7. Hakuta K. Cognitive Development of Bilingual Children / K. Hakuta // *Center for Language Education and Research Educational Report Series*. — No. 3. — 1986.

8. Bloomfield L. *Language* / L. Bloomfield. — New York: Holt. — 1993. — P. 600.
9. Лукманова Р. Р. Интерактивная веб-платформа с использованием технологии геймификации в обучении русскому языку иностранных (китайских) студентов / Р. Р. Лукманова, А. М. Ямалетдинова, Р. Х. Каримов // *Российский гуманитарный журнал*. — 2022. — Т. 11. — №4. — С. 271–277.
10. Grosjean F. *Bilingual: Life and Reality* / F. Grosjean. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010.
11. Mohanty A.K. *Language Acquisition and Bilingualism* / A.K. Mohanty & C. Perregaux // *Handbook of Cross-cultural Psychology, Vol. 2: Basic Processes and Human Development* (2nd ed.). — P. 217-253.
12. Хауген Э. *Языковой контакт* / Э. Хауген // *Новое в лингвистике. Выпуск VI. Языковые контакты*. — М.: Прогресс, 1972. — С. 61–80.
13. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
14. *Архитектура. Большой толковый словарь русского языка*. — СПб: Норинт, 2014. —URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=архитектура&all=x> (дата обращения: 01.11.2022).
15. Волков К. В. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков / К. В. Волков, Т. Л. Гурулева // *Известия государственного педагогического университета*. — 2018. — №8(31). — С. 148–154.
16. Курдюмов В. А. *Курс китайского языка. Теоретическая грамматика* / В. А. Курдюмов. — М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. — 575 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Romaine S. *Bilingual Language Development* / S. Romaine // *The Development of Language*. — Barrett, Martyn. L.: University College London Press, 1999. — P. 251–276.
2. Barinova I. A. O nekotoryh osobennostyakh yazykovoj lichnosti bilingva [On some Features of Language Identity. A. On Some Features of the Linguistic Personality of a Bilingual] / I. A. Barinova, O. A. Nesterova // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. — №4–1 (46). — 2015. — P. 26–29 [in Russian].
3. Genesee F. *Bilingual First Language Acquisition: Exploring the Limits of the Language Faculty* / F. Genesee // *21st Annual Review of Applied Linguistics*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — P. 153–168.
4. Suprun L. E. *Lekcii po yazykoznaniiyu* [Lectures in Linguistics] / L. E. Suprun. — Minsk: Higher School, 1971. — 188 p. [in Russian]
5. Kozyreva O. A. *Bilingvizm kak mezhdisciplinarnaya problema* [Bilingualism as an Interdisciplinary Problem] / O. A. Kozyreva // *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU]. — 2013. — 13 (141). — P. 150–153 [in Russian].
6. Valdés G. *Bilingualism and Testing: A Special Case of Bias* / G. Valdés & R.A. Figueroa. — Norwood, NJ: Ablex, 1994.
7. Hakuta K. *Cognitive Development of Bilingual Children* / K. Hakuta // *Center for Language Education and Research Educational Report Series*. — No. 3. — 1986.
8. Bloomfield L. *Language* / L. Bloomfield. — New York: Holt. — 1993. — P. 600.
9. Lukmanova R. R. *Interaktivnaya veb-platforma s ispol'zovaniem tekhnologii gejmifikacii v obuchenii russkomu yazyku inostrannyh (kitajskih) studentov* [Interactive Web-platform Using Gamification Technology in Teaching Russian Language to Foreign (Chinese) Students] / R. R. Lukmanova, A. M. YAmaletdinova, R. H. Karimov // *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Journal of Humanities]. — 2022. — V. 11. — №4. — P. 271–277 [in Russian].
10. Grosjean F. *Bilingual: Life and Reality* / F. Grosjean. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010.
11. Mohanty A.K. *Language Acquisition and Bilingualism* / A.K. Mohanty & C. Perregaux // *Handbook of Cross-cultural Psychology, Vol. 2: Basic Processes and Human Development* (2nd ed.). — P. 217-253.
12. Haugen E. *Yazykovoj kontakt* [Language Contact] / E. Haugen // *Novoe v lingvistike. Vypusk VI. Yazykovye kontakty* [New in Linguistics. Issue VI. Language Contacts]. — М.: Progress, 1972. — P. 61–80 [in Russian].
13. *Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [Linguistics. The Big Encyclopedic Dictionary] / ch. ed. V.N. YArceva. — 2nd ed. — М.: The Great Russian Encyclopaedia, 1998 [in Russian].
14. *Arhitektura. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Architecture. Big Explanatory Dictionary of the Russian language]. — SPb: Norint, 2014. —URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=arhitektura&all=x> (accessed: 01.11.2022) [in Russian].
15. Volkov K. V. *Sopostavitel'nyj analiz tipologicheskikh harakteristik kitajskogo i russkogo yazykov* [A Comparative Analysis of the Typological Characteristics of the Chinese and Russian Languages] / K. V. Volkov, T. L. Guruleva // *Izvestiya gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the State Pedagogical University]. — 2018. — №8(31). — P. 148–154 [in Russian].
16. Kurdyumov V. A. *Kurs kitajskogo yazyka. Teoreticheskaya grammatika* [Course of the Chinese Language. Theoretical Grammar] / V. A. Kurdyumov. — М.: CITADEL-TRADE; LADA, 2005. — 575 p. [in Russian].